

«всерьез» и даже склонного верить в историческую достоверность составляющих интригу событий; читатель вторых — это утонченный ценитель-скептик, рассматривающий искусство как игру и интересующийся в первую очередь мастерством исполнения.

Другим смежным жанром, взаимоотношения с которым определили художественную специфику рукописной повести, являлась народная сказка, главным образом бытовая. Это промежуточное положение между повествовательными жанрами народного творчества и печатной художественной прозой, в первую очередь литературным романом, в значительной мере определило своеобразие рукописной повести XVIII в. как литературного явления.

Остановимся на этих вопросах в такой мере, в какой это необходимо для понимания публикуемого текста.

«История о португальской королеве Анне и о гишпанском королевиче Александре», видимо, является оригинальной повестью, возникшей, вероятно, в середине XVIII в. На оригинальный характер этого произведения, несмотря на то что действие происходит в Португалии, указывает сравнительно широкое распространение этого сюжета, а очень близкой к публикуемому тексту комбинацией эпизодов, в русском фольклоре и отсутствие подобного сюжета в западноевропейском народном творчестве. По крайней мере, ни указатель сказочных сюжетов Анти Аарне,⁴ ни издание его, расширенное и дополненное Томпсоном,⁵ подобного сюжета не знают. Подстрочное примечание Больте-Поливка,⁶ на которое как на известную параллель к интересующему нас сюжету указал еще Н. П. Андреев, содержит лишь сведения об отдельных сходных мотивах, однако в довольно далеких сюжетных комбинациях. Между тем в русском фольклоре сюжет этот известен очень хорошо. Упомянутый выше указатель Н. П. Андреева называет четыре записи сказок с сюжетом, и в деталях и в общей структуре весьма близким к публикуемой повести.⁷

Среди этих сказок особое место занимает текст, вошедший под № 127 в сборник Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии». Публикации предшествует пояснение: «„Машинька“, полуграмотная рукопись, писанная, вероятно, солдатом; доставлена из села Ключевки, Елабужского уезда». Указание это в высшей степени ценно: перед нами,

⁴ Antti Aarne. Verzeichnis der Märchentypen. — F. F. Communication, № 3, Helsinki, 1911.

⁵ The types of the folk-tale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (F. F. Communications, № 3), translated and enlarged by Stith Thompson, Ph. D. (F. F. Communication, № 74, Helsinki, 1928).

⁶ Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, neu bearbeitet von J. Bolte und G. Polivka, Bd. I. Leipzig, 1913, стр. 45—46, прим. 4; ср. Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, стр. 60—61.

⁷ Отсутствие подобного сюжета в западноевропейском фольклоре не исключает возможности обнаружения сходной фабулы в рыцарских романах. Решить окончательно вопрос о степени самостоятельности или зависимости публикуемой повести от западноевропейской традиции можно только после исчерпывающего просмотра всех текстов рыцарских романов, произведи который мы в настоящее время не имели возможности. Ряд эпизодов повести совпадает с трафаретами как западноевропейского рыцарского, так и русского переводного романа (любовь по портретам или по образу, увиденному во сне, обмен и возвращение — иногда новое изготовление — подарка и др.). В последний раз, как нам кажется, второй из названных мотивов был повторен в романтической литературе Западной Европы известным эпизодом с бриллиантовыми подвесками в «Трех мушкетерах» Дюма. Это место сюжетно очень напоминает мотив подарков в «Истории о португальской королеве Анне...» и близких к ней русских сказках. Однако произведения с характерным для публикуемой повести сочетанием сюжетных эпизодов в репертуаре рыцарских романов Западной Европы нам пока обнаружить не удалось.